

СИНДИВИДЫ

The background of the cover is a dark, grainy, and textured surface. It features several faint, overlapping faces that appear to be part of a crowd or a group of people. The faces are rendered in shades of grey and black, with some showing more detail than others. The overall effect is one of a dense, somewhat chaotic and somber group of individuals.

Вера Фелькина

Вера Фелькина

Синдивиды

*<https://litres.ru/74036089>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Сборник из трёх хоррор рассказов.

"Незримый ужас". Молодой студент приезжает в Аркхэм и знакомится с двумя подозрительными личностями: профессором Уолтоном, экспертом оккультных наук, и неким Джоном Скоффманом, чья личность окутана тайной. Что связывает их? Кто стоит за чередой странных событий, потрясших Аркхэм? И как всё это связано с культом незримого бога Гузгроха?

"Детские сны". Детство беззаботно и солнечно, полно наивных увлечений и незатейливых игр. Но почему все эти дети продолжают день за днём возвращаться к песочнице? И что за музыка раздаётся с небес? За фасадом ламповых детских воспоминаний скрывается страшная антиутопия, чьи заложники даже не знают, что они уже давно не дети...

"Синдивиды". Мир окутан вечной тьмой. Материи больше не существует. Остались только зависшие в пустоте человеческие сознания, утратившие чувство времени, пространства и даже собственной личности — медленно сходящие с ума, кричащие в агонии целую вечность... они превращаются в "синдивидов".

Содержание

Предисловие	4
Незримый ужас	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вера Фелькина

Синдивиды

Предисловие

Свой первый сборник из трёх рассказов я посвящаю ужасам. Все три произведения очень разные, но все они так или иначе посвящены тем непроглядным пучинам ужаса, что таятся в этом мире куда ближе, чем нам кажется.

Первый рассказ называется "Незримый ужас" и был написан мною в далёком 2019 году (впоследствии я лишь переписывала некоторые его детали). Рассказ этот придётся по вкусу любителям Лавкрафта, но сам по себе, увы, всего лишь следует канонам лавкрафтианского хоррора. Я решила включить его для сравнения с моим более поздним творчеством.

Второй рассказ называется "Детские сны". Это антиутопия о детях и их грёзах, о том, как рабство скрывается в игре и превращается людьми в игру.

Завершающий и главный рассказ называется "Синдивиды". О нём я скажу лишь, что это чистое безумие.

Вера Фелькина

Незримый ужас

I

Не было в моей жизни большей ошибки, чем поступить в прославленный во всём Массачусетсе Мискатоникский университет и переехать в Аркхэм, в съёмную квартиру на втором этаже завалившегося на левый бок угрюмого дома на углу Честнат-авеню, по соседству с профессором Генри Уолтоном и Джоном Скоффманом, о которых мне и придётся вести рассказ.

Историей я увлекался ещё со школьных лет. В молодости я читал Гиббона и Шпенглера, однако со временем я понял, что кровавая европейская история совсем не привлекает меня, а больше интересны фольклор и народные верования. Не сказать, что я верил легендам и мифам о духах и древних богах, но фольклорная мистика манила меня своим таинством и загадкой. Лучшим выбором для такого молодого энтузиаста, как я, была историческая кафедра профессора Макраунда Мискатоникского университета. Что же мог поделать я, кроме как перебраться из Бостона в проклятый Аркхэм? Многие из моих знакомых всячески уговаривали меня остаться в Бостоне и не ехать в древний город, слухи о котором были столь ужасные, что всякий здравомыслящий

человек отказался бы от переезда. Мрачные, ползли тёмным туманом по окрестностям легенды одна страшнее другой, однако, по наивности лет, в то время я не придавал им должного значения.

Изначально мне предлагали устроиться в студенческом общежитии на Эмбер-стрит, и я даже набросал соответствующее письмо, однако в весенней суматохе совсем забыл сходить на почту — письмо оказалось погребено под кипами толстых пыльных учебников, а когда вынырнуло оттуда в конце июня, было уже поздно: в общежитие заселились другие студенты. Разумеется, такая скромная неудача никак не могла меня остановить, поэтому я тут же бросился к телефонному справочнику и обзвонил все общежития и пансионы Аркхэма — дорогие и дешёвые, с хорошей репутацией и не очень. К счастью, один господин по фамилии Волвертон сообщил, что готов сдать по воле случая освободившуюся каморку номер девятнадцать за скромную цену. Рассудив, что вещей у меня много не будет, а на большую комнату лучше не тратиться, я собрал вещи и шестого августа 1931 года выехал на старом разбитом автобусе по маршруту Бостон — Салем — Беверли — Кингспорт — Аркхэм.

Аркхэм отпраздновал мой приезд проливным дождём. Вода ручьями стекала по засорённым грязным канавам с Френч-Хилла и, петляя под ногами редких прохожих, устремлялась к реке Мискатоник. Автобус довёл меня до Нортсайда, где я поймал такси. Водитель — хмурый мужчи-

на с бугристым лицом и выпученными глазами, что выдавало в нём коренного иннсмутца — провёз меня по каменному перекинутому через реку мосту, затем по улочкам торгового района, показал по моей просьбе здание университета и, наконец, подвёз к апартаментам Волвертона. Тут я и догадался, почему владелец дома позволил мне снять комнату по столь низкой цене — прямо напротив здания находилось старое арххэмское кладбище. Впрочем, даже тот факт, что два из трёх моих окон выходят на неуклюжие ряды надгробий и памятников, не сильно меня расстроил.

На следующий день я поспешил в университетский корпус, чтобы сообщить о своём приезде и готовности получать самые сокровенные знания человеческой истории, которые едва ли мог бы узнать где-нибудь ещё на этом свете. В фойе мне сказали подождать, когда профессор Макраунд освободится, но я сообщил, что мне многого не нужно, поэтому меня перенаправили к Генри Уолтону, профессору языковедения и фонологии. Это был высокий пожилой человек с ухоженной белой бородой и глубоким пронизательным взглядом, пронзившим меня из-под оправы очков. В руках он всегда держал трость с набалдашником из белой кости в виде древнегреческой химеры. Уолтон сидел в атласном кресле, выслушивая мой рассказ о приезде и покручивая тростью от скуки. Но когда я упомянул один труд по французскому оккультизму, который прочитал этим летом, Уолтон неожиданно встрепенулся.

— А я ведь тоже недолюбливаю классический курс истории! — радостно воскликнул он. — Понимаете, пока большинство деканов тратят годы своей жизни, вычитывая какие-то мелочи в хронологии Фландрии или Венеции, настоящая история кроется здесь, в простых людях, в их убеждениях и суевериях. Фольклор... Это крайне интересно, Колпи. Где вы живёте, если не секрет?

Когда я рассказал ему, он ещё пуще оживился.

— Апартаменты Волвертона! Вот так чудесное совпадение! Дело в том, что я и сам живу рядом, в доме на другом углу, напротив церкви. Тот самый, рыжеватого оттенка, с широким балконом и балюстрадой. Это не может быть простой случайностью. Видимо, сами боги решили свести нас с вами! (при слове «боги» я неловко вздрогнул) Чем вы будете заняты сегодня? Подготовка к первому семестру, я понимаю. Может, вам показать город? Хотя смотреть у нас особо нечего... Давайте поступим так. Думаю, мы с вами мало будем пересекаться в университете. Однако, раз живём рядом, почему бы иногда не видеться? Завтра же вечером я приглашаю вас к себе на ужин. Нет, не беспокойтесь, это несколько меня не затруднит.

Очевидно было, что профессор не стал бы приглашать меня к себе домой по пустяку. Внимание Уолтона привлек мой рассказ об увлечении фольклорной литературой, хотя я искренне не понимал, с чего бы это могло его заинтересовать. Так или иначе, в следующий же вечер я впервые побывал

у него дома. Это был самый обычный двухэтажный дом с длинной кухней и широкой гостиной, в которой стоял старый чёрный рояль. Профессор и его жена Мария порой играли что-нибудь незамысловатое, хоть он и был слегка расстроен — ля второй октавы фальшивил на целый тон, а нижние клавиши то и дело западали. За белым столом уселись мы с Уолтоном и Марией. Несмотря на все мои возражения, он принёс мне запечённого окорока, и признаюсь, такого вкусного мяса я не пробовал с самого детства.

За пустой беседой о скверной Аркхэмской погоде и некоторых последних событиях скрывалось нечто большее. Так и оказалось — после ужина миссис Уолтон ушла к себе, а мы с профессором остались наедине в гостиной. Здесь он и начал задавать мне вопросы о том, много ли я знаю об оккультных науках, и пуще того, не состою ли в каком-нибудь из мелких культов. Второй вопрос он объяснил тем, что Аркхэм, как и вся его округа, от Иннсмута до самого Бостона, таинственным образом притягивает к себе целые толпы тёмных личностей. Тут его понесло, и он начал рассказывать мне о таких жутких вещах, которые я и сейчас не припомню. Буквально пару недель назад в городе состоялся показ «Короля в жёлтом», что, как пояснил Уолтон, привело к нескольким самоубийствам. О многочисленных мелких культах, вроде адептов Дагона или Гатаноа, и говорить не стоит. Молча кивал я в ответ на рассказы Уолтона о ведьмах и загадочных существах, бродящих по лесам, хотя на самом деле не внимал ни

единому его слову, ибо с самого начала понял, что на склоне лет профессора потянуло на мистику, и теперь в каждом случае ему видится нечто зловещее. Впрочем, всякий большой профессор может позволить себе небольшой грешок. Пока Уолтон продолжал заливать про последние случаи смертей и огни на кладбищах, которые он якобы видел своими глазами, я заинтересовался небольшой статуэткой, стоящей на книжной полке у стены. Сперва мне показалось, что это просто диковинный зверь, но вскоре я начал разбирать его черты, и моему взору предстало уродливое, мерзкое животное — чудовище с бесформенным студенистым телом, перепончатыми крыльями, щупальцами, будто у морского осьминога, и целой россыпью внимательно глядящих глаз. Всё это свидетельствовало о медленном, но верном помешательстве профессора.

Увидев в моих глазах огонёк недоверия, Уолтон тут же остановился и сказал, что всё сказанное им (а что именно говорил, я и не старался запоминать) только кажется чем-то глупым и нелепым, и нужно не такое большое время и не такие толстые тома древних писаний, чтобы я убедился в его правоте. Уолтон даже предложил мне почитать кое-что из книг, запрещённых для чтения и хранящихся под надёжной защитой в библиотеке Мискатоникского университета. Но я отказался, сославшись на то, что и так буду загружен учёбой. На том мы и разошлись.

Только на вторую, или на третью, ночь, я заметил, что

тяжёлый сон, опускающийся на меня вечером, отличается чем-то от тех снов, которые я привык видеть в Бостоне. Нет причин полагать, что всему виной город — скорее всего, необычные сны были вызваны чрезмерным волнением из-за переезда и предстоящей учёбы. Обнаружил я это после того, как во сне передо мной неожиданно явился некий молодой человек, укрытый зелёным покрывалом, похожим на плед. Закутавшись в него, он что-то лихорадочно шептал, но я стоял слишком далеко и не мог ничего расслышать. За спиной у человека был смутно виден жуткий силуэт чего-то громадного, не меньше бостонского Капитолия. Утром я проснулся в скверном расположении духа.

II

Вместе с понурой мокрой осенью пришла и учёба. Десятки мелких ничем не примечательных однокурсников тонкими иглами впились в бесконечные учебные часы, поначалу пытаюсь завести со мной знакомство, но потом бросив эту глупую затею. Вскоре часы в лекториях перестали чем-либо отличаться от вечеров, проведённых в комнате за учебниками. Они вязко тянулись, отчего я слегка терялся во времени. Парадокс состоял в том, что времени всё равно катастрофически не хватало — утомительная работа, так неожиданно свалившаяся мне на плечи, временно вытеснила все другие интересы из моей жизни, отчего я и забыл про профессора Уо-

лтона с его предложением. Неудивительно, что для знакомства с соседями по апартаментам, коих было не так много, у меня не было ни времени, ни желания. Да, время в Мискатоникском университете тянулось под стать реке, именем которой он был назван.

Большинство студентов проживали в общежитии, куда у меня доступа не было. Но неправильно было бы утверждать, что это отрезало меня от их жизни. Конечно, студенты многократно устраивали прогулки по тёмному Аркхэму. Мне даже рассказывали, что у них имелись связи с бутлегерами, которые охотно продавали молодым алкоголь. Но со временем я убедился, что не только любовь к тихому образу жизни и лёгкая апатия не дают мне участвовать в их гуляниях. Я из знатного массачусетского рода Колпи, корни которого уходят к первым поселенцам Новой Англии, а мою родовую усадьбу можно увидеть в вечернем закате на южном холме Бостона, в Дорчестере, и я не чувствовал никакой близости с теми студентами, что учились со мною в Аркхэме, как не чувствовал близости к серым, неприветливым аркхэмским жителям. В отличие от родного Бостона, Аркхэм не был так дружелюбен и всем видом, всей своей мрачностью, всем злобным духом гнал прочь.

Где-то в октябре меня вдруг заинтересовал один факт. Поднимаясь к себе на второй этаж, я каждый раз проходил мимо двери в комнату под номером тринадцать, что находилась прямо подо мной. Ни разу ещё я не слышал оттуда

ни единого шороха и даже постояльца не видел, хотя порою, возвращаясь поздним вечером домой, замечал, что свет в окнах горит и кто-то даже бродит внутри. Что-то настораживало меня в его силуэте. Как-то я не выдержал и спустился к Волвертону спросить, кто же там живёт. Хозяин скучал у себя в спальне и только рад был с кем-нибудь потрещать, тем более на такую тему. Он рассказал мне, что в комнате живёт некто Джон Скоффман, невысокий черноволосый паренёк, про которого и Волвертон мало что знал. Деньги за комнату он прилежно платил, но никто не знал где он их доставал. В отличие от меня, Волвертон видел, как Скоффман выбирается из комнаты и уходит куда-то в западный район Аркхэма, хотя подтвердил, что делает он это редко. Чтобы не спрашивать лишний раз хозяина дома и вместо этого узнать всё из первых уст, я через несколько дней набрался смелости и постучал в дверь под номером тринадцать.

Открыли мне не сразу. Передо мной возник юноша чуть ниже меня, с чёрными растрёпанными волосами и недовольным взглядом. На округлом лице еле помещался нос, а губы были сжаты в тонкую полоску. В целом, всё это придавало Скоффману вид скорее сказочного гнома или тролля. Но гораздо больше меня поразило тот факт, что я уже видел его. Это он был в моём сне под зелёным покрывалом на фоне загадочного силуэта. Пока я старался вспомнить, как могут эти два образа быть связаны, он заговорил и слегка невежественным тоном спросил, что мне от него нужно. Я предста-

вился как сосед сверху и пожелал стать его новым товарищем, протянув ему раздобытую у редкого моего однокурсника бутылку виски в качестве подарка. Он нехотя взял её и позволил мне войти.

В комнате Скоффмана мне бросилась в глаза вторая странная деталь — его кровать была застелена тем самым зелёным покрывалом, что я видел во сне. Джон предложил мне сесть на кровать, а сам уселся у окна на дубовый стул. На полках у него, как я заметил, стояли какие-то книги, о коих я никогда не слышал. Название одной я сначала не понял и даже не запомнил, но позже, когда услышал о ней вновь, тут же сообразил, что именно она стояла там. Это была *Guzgróchas Unsichtbar*, «Невидимый Гузгрох» немецкого монаха Вильгельма Веррукта. Скоффман всем своим видом давал мне понять, что я для него гость непрощенный, однако мне всё равно хотелось выяснить, кто же такой живёт подо мной. Я спросил его, могли ли мы видеться в университете, но оказалось, что Джон там больше не учится. Тогда я поинтересовался, чем он занимается и где работает, на что он невнятно попытался растолковать про какую-то бакалейную, хотя по бегающим глазам можно было с уверенностью сказать, что он либо приукрашивает, либо врёт. На мои расспросы о личной жизни он так ничего толкового не ответил, но кое-что из его рассказа можно было вычленить: Джон приехал в Аркхэм издалека, тоже учился в университете однако был исключён, и с тех пор он работает в бакалей-

ной лавке у Клинтона. Я хотел было задать вопрос о книгах, но он, предугадав его, объяснил, что это обычная романтическая литература, и в ней нет ничего особенного. Про сон я решил умолчать, поэтому немного поговорил с ним о дурной погоде, высказал своё недовольство последним номером «Аркхэм Эдвертайзер» и рассказал о себе всё то, что уже описал выше. Скоффман продолжал кивать с неподдельной скукой, поэтому я, не желая больше тратить время впустую, попрощался с ним и отправился к себе наверх.

Засыпая тем вечером, я всё размышлял о Скоффмане и его покрывале. Поначалу я был слегка возбуждён загадочным совпадением, но потом решил, что это всего лишь дешавю, и я подменил лицо, увиденное во сне, на лицо Скоффмана — так случается, это подробно описано в современной психологии. Затем на меня навалилось разочарование от того, что я так и не смог завести с ним дружбу.

Той же ночью я вновь видел Скоффмана. Во сне он опять накинул на себя зелёное покрывало и продолжал что-то шептать, но теперь я уже мог разобрать одно слово, и это было слово «вдыхаю». Силуэт на фоне стал только чётче, но я так и не понял, кому или чему он принадлежит.

О книге, которая стояла на полке у Скоффмана, я вспомнил только в конце октября, когда повстречал профессора Уолтона в одном из коридоров университета. Мы заговорили о культах, и он стал рассказывать мне какую-то томную историю о кингспортской ведьме. Но когда между делом он

упомянул о *Guzgrochas Unsichtbar* слепого монаха Вильгельма Веррукта, я тут же воскликнул, что недавно видел эту книгу у одного знакомого. Лицо Уолтона мгновенно сделалось серьёзным, и он попросил меня рассказать об этом подробнее. Я поведал ему о знакомстве со Скоффманом, отчего он ещё больше напрягся, не объясняя причину и заметив только, что книга немецкого монаха есть не что иное, как одна из тех запретных книг, что хранятся в библиотеке Мискатоникского университета. Теперь и я заинтересовался этим совпадением и попросил Уолтона познакомить меня с запретными книгами, хотя бы с некоторыми из них. Мне вдруг стало крайне любопытно узнать, что же представляет из себя эта «романтическая литература», которую читает Скоффман. Я честно признался, что кроме «Незримого Гузгроха» не запомнил названия книг.

На следующий же день Уолтону удалось договориться с заведующим библиотекой и провести простого студента в святыню всего университета — раздел запретных книг, одна страница, одно предложение из которых способно было, согласно слухам, свести человека с ума. Поздним вечером мы с Уолтоном стояли перед одинокой старинной дверью, за которой скрывались все запретные труды. Где-то там таился Некрономикон безумного араба Абдулы Альхазреда, экземпляр пьесы «Короля в жёлтом» и «Неназываемые культы» Фридриха фон Юнтца. Уолтон достал серебряный ключ и отворил скрипучую дверь, впуская меня в тёмную комна-

ту без окон. На потолке загорелась тусклая лампочка, бледным светом обнажая кафедру и низенький шкаф, полный заветных книг. Уолтон прошёлся пальцами по их корешкам и привычным движением руки вынул одну из них — пыльную книгу в толстом зелёном переплёте. Не было никаких сомнений, что это она принадлежит руке немецкого монаха Вильгельма Веррукта.

— Подозреваю, что вы не знаете древнесаксонского. Не беда. Некоторые страницы переведены мною лично. Я до сих пор работаю над полным переводом, но уже сейчас вы можете ознакомиться с этим важнейшим отрывком... — Уолтон положил рукопись на кафедру и, быстро пролистав, нашёл нужную страницу, пробежался глазами и отшагнул в сторону, жестом приглашая меня принять участие в чтении.

Лучше бы я не делал этого. Мрачный древний культ, поразительно точно описанный Верруктом, вызывал лишь тошноту и отвращение. То была не просто книга о древнем зле, что родилось во тьме глубокого космоса и отпрыски которого населили Землю за многие эоны до появления человека. Это была книга о чудовищных ритуалах, что способны вновь призвать это зло на планету. Буквы складывались в слова, а слова — в отвратительные песни и заклятия, построенные по нечеловеческим законам. Верно, что лишь безумец способен писать о безумцах, и Веррукт, несомненно, был таковым, ибо никакое человеческое сознание не могло бы безнаказанно запечатлеть на бумаге весь этот ужас.

Я оказался абсолютно не готов к тому, что описал немецкий монах, поэтому после нескольких страниц попросил Уолтона убрать эту книгу как можно дальше и поспешно вышел из комнаты. Непреодолимое чувство тошноты подгоняло меня к свежему вечернему воздуху, но в то же время уличная тьма внушала мне необъяснимый страх.

— Теперь вы понимаете, почему я так обеспокоен вашим новым приятелем? — спросил Уолтон, догоняя меня на лестнице. — Меня беспокоит этот Скоффман. Вы можете разузнать о нём хоть немного подробнее? Сам я боюсь заводить с ним знакомство, поскольку моя натура может отпугнуть его. А вот с вами, уверен, проблем не возникнет. В следующий раз, когда будете у него, запомните хотя бы названия книг на полке, а заодно можете и выведать, где он их достал.

Несмотря на всё отвращение — точно такое же, какое я испытываю сейчас, вспоминая всю эту чудовищную историю — я таки дал слово, что сделаю всё, что в моих силах. На следующий же день я опять попал в квартиру к Скоффману, на этот раз под нелепым предлогом — попросил дать почитать на досуге какой-нибудь роман. Джон встретил меня в той же засаленной рубашке, будто и не снимал её всё это время. Он подозрительно осмотрел меня, но впустил внутрь, как и прежде приглашая сесть на кровать, устеленную зелёным одеялом. Только я вошёл в его комнату, как обнаружил, что все книги до единой пропали. Полка была абсолютно пуста. Я спросил Джона, куда делась его коллекция, но он так

отмахнулся, будто они никогда там и не стояли. Пришлось мне возвратиться ни с чем. Через день я вновь встретился с Уолтоном и рассказал ему о своём фиаско. В тот вечер Уолтон долго гулял по гостиной, не решаясь ничего говорить, будто опасался последствий, но в конце концов заключил, что исчезновение запретных книг может быть связано с моим визитом.

— Мы его спугнули, Колпи, — сказал он. — Не знаю, что мы сделали не так. Возможно, надо было действовать аккуратнее, выждать хотя бы неделю перед тем, как опять являться к нему. Впредь он будет осторожнее. И всё же, надо хоть какое-то время последить за ним, возможно, обнаружится ещё что-нибудь подозрительное. Будь он не ладен, этот Скоффман! Что он там рассказывал вам, Колпи, друг мой? Я навёл справки, и мне сообщили, что никогда с самого основания Мискатоникского университета в нём не учился студент по имени Джон Скоффман. Мне даже кажется... Впрочем, об этом стоит поговорить как-нибудь потом, когда доказательств наберётся побольше. А сейчас, прошу меня простить, я должен заняться делом. До свидания, Колпи!

III

Дата той ночи утеряна, но я помню, что случилось это в первой половине ноября. До позднего вечера я читал перевод «Альгических исследований» Скулкрафта, где он недву-

смысленно описывает древние обряды чиппева, их ритуальный каннибализм и одушевление неба, а может и того, что в нём сокрыто. Забыв про время, я с упоением глотал страницу за страницей, пока усталые глаза сами не начали слипаться. Возможно, из-за сильного напряжения или по вине отблесков света свечи от оконного стекла мне почудилось, будто на аркхэмском кладбище между могил загорелись холодные бледно-голубые огни.

Я быстро уснул, и то была моя ошибка. Только тяжёлый сон сморил меня, и, поглощённого грёзами, уволок в запредельные миры, предо мною опять возник Скоффман. Он был во всё том же зелёном покрывале, но теперь голос его раздавался куда громче. Из всего потока чистого сумасшествия я разобрал несколько отдельных слов и лишь одну фразу: «Пламя горит, и я вдыхаю тьму под тобою, о жнец». Мы находились в неправильном пространстве, где дышалось тяжелее обычного, словно на большой высоте. Тёмный силуэт, который я видел на фоне Скоффмана, в этот раз проявился ещё чётче, и я разобрал в нём отдельные черты: узкие перепончатые крылья и длинные отростки, похожие на щупальца. В этот момент что-то зазвучало гулким басом, и в меня вселился первобытный животный страх. Я испугался сразу всего: и странного окружения, и стоящего с неопишуемым выражением лица Скоффмана, и гигантских очертаний, что виднелись вдали, и низкого голоса, исходящего оттуда. Возможно, в этот момент я закричал во сне и тут же проснулся.

За окном была ещё ночь. Тьма облепила дом снаружи, плотная, вязкая, плавно ползущая по древним каменным стенам проклятого города. Сухие деревья тихо перешептывались между собой, словно заговорщики. Часы показывали половину второго, значит, сон длился не больше двух часов. В момент бодрствования ко мне вернулся разум. Решив, что странные грёзы являются ничем иным, как разыгравшимся воображением и вызваны чтением древних манускриптов, я решил пока не засыпать и потянулся к свече. Однако тут до меня дошло, что тьма за окном не такая уж непроглядная, и оттуда заметно слабое свечение. Не тусклое жёлтое свечение уличного фонаря, который пару недель назад сломался и так не был починен, а слабое и холодное мерцание. Я подошёл к окну, чтобы разглядеть источник, и вновь увидел бледные огоньки со стороны кладбища.

Прежде всего, я решил не зажигать свет, рассудив, что если на кладбище промышляют ресуррекционисты, возможно, даже мискатоникские студенты, то неожиданно загоревшийся свет в окне спугнёт их. Накинув в темноте пальто и шляпу, я, тем не менее, взял с собой свечу, аккуратно вышел из комнаты, тихо закрыв за собой дверь, затем, крадучись, пополз по лестнице вниз, стараясь не наступать на особо скрипучие половицы. Через минуту, преодолев лестницу, я оказался в скромной парадной. Стойка пустовала. Под столешницей я нашёл спички и зажёл свечу. Всё-таки гулять по кладбищу с похитителями трупов без света было бы крайне безрассуд-

но. Выйдя из апартаментов, я пересёк улицу и осторожно прошёл через погнутую калитку на кладбище, желая неожиданно встретить и напугать преступников. Однако огни, которые я так отчётливо видел из окна, уже пропали. Должно быть, похитители успели удрать, подумал я, и решил найти ту самую могилу, которую они раскопали.

Не менее четверти часа бродил я один по кладбищу, разглядывая стариннейшие могильные плиты и землю перед ними, но так ничего и не нашёл. Я бы продолжил поиск, если бы не кладбищенский сторож, что заметил мою свечу и сам принял меня за ресуррекциониста. Я объяснился, и он не нашёл причин не верить мне — тем более, что кроме свечи ничего при мне не было. Звали его Бенджи, и выглядел он гораздо старше своих сорока восьми лет. Густая седая борода доходила до груди, а на голове красовалась широкая проплешина. Я спросил Бенджи про огни, но он лишь понимающе покачал головой. Он и сам не раз их здесь видел, но по-прежнему не мог объяснить, что это и откуда берётся.

Уже возвращаясь, я заметил, что в комнате Скоффмана тоже горит свет. Этот факт обеспокоил меня. Тогда меня осенила отличная мысль. Я сходил к Бенджи ещё раз и спросил его, давно ли включён свет в окне моего соседа снизу. Сторож признался, что не следил. Тогда я попросил его понаблюдать в ближайшие ночи за окном Скоффмана, а потом рассказать, часто ли ночью ему не спится. Он ничего не обещал, но согласился помочь — ночным сторожам редко бы-

вает, чем заняться в долгие ночные часы.

Другое происшествие, заинтересовавшее меня куда сильнее, произошло примерно через неделю. Отправляясь утром в университет, я вдруг заметил, что у корпуса стоит полицейская машина. Пообщавшись с коренастым полисменом, бойко разгуливающим у дверей библиотеки с записной книжкой и документирующим все мелочи, я выяснил, что ночью кто-то попытался проникнуть в хранилище, однако не смог взломать дверь и поспешно скрылся. Поскольку до начала занятий ещё оставалось немного времени, я решил взглянуть собственными глазами на то, что оставил после себя преступник.

Злоумышленник, видимо, запасся ломом и взломал чёрный ход, который никем не охранялся, затем проник в подсобное помещение и оттуда прошёл в центральный зал. Здесь он не остановился и долгое время отчаянно пытался взломать тяжёлую дверь, ведущую в запретный раздел библиотеки, но старая дверь мистическим образом не поддавалась железному лому. Более того, стеллаж, стоящий напротив двери, был опрокинут. Возможно, грабитель был так расстроен, что выместил свою злобу на книгах, а может, некая сила отшвырнула его от двери прямо на стеллаж. Я поинтересовался у сержанта, найдены ли какие-нибудь важные улики. Но он сперва отмахнулся, а потом сказал, что не найдено даже лома, не то что отпечатков пальцев или следов обуви. Только царапины на дверях да опрокинутый стеллаж свиде-

тельствовали о том, что ночью здесь что-то случилось.

На месте я также нашёл профессора Уолтона, который был крайне обеспокоен случившимся.

— Он пытался пробраться в запретный отдел, а туда просто так никто попасть не отваживается, — заметил он. — Не найдено лома? Его и не было. Тем, кому может понадобиться запретный отдел, не нужны ни лом, ни ключи. Именно от таких негодяев я защитил дверь печатью... Впрочем, неважно. Приходите ко мне домой этим же вечером. Нам нужно кое-что обсудить.

Вечером, как и договаривались, Уолтон встретил меня у себя дома, но на этот раз никакого ужина не состоялось. Не знаю, где пропала его жена, за весь вечер я ни разу её не видел. В гостиной Уолтон появился с толстой книгой в твёрдом зелёном переплёте, один вид которой поверг меня в шок. Это был *Guzgrochas Unsichtbar* монаха Вильгельма Веррукта — запретная книга, хранящаяся в библиотеке под семью замками.

— Понимаю ваше беспокойство, Колпи, — сказал Уолтон голосом человека, который знает, что делает. — Спешу вас успокоить. Этот том не библиотечный, он мой собственный, и я держу его в таком месте, о котором даже Мария не догадывается. Никто не сможет украсть у меня эту бесценную книгу, какие бы злые силы она ни притягивала.

Не думайте, дорогой Колпи, что я сумасшедший адепт культа Гузгроха. Никоим образом, даже наоборот. Послед-

ние свои годы я хоть и отдал изучению данного культа, но лишь затем, чтобы противостоять ему. Книга, которую я держу в руках, на первый взгляд может показаться совершенно обычной. В отличие от Пнакотических манускриптов, она имеет довольно простую и известную во всех подробностях историю. Её написал в 1191 году немецкий монах Вильгельм Веррукт, подробно описавший в своём труде то, что видел в Тибете и вследствие чего ослеп. Текст был написан им в полной слепоте с небольшой помощью его брата Анхельма. Видимо, сам Гузгрох наказал Веррукту написать этот текст, ибо благодаря нему сотни адептов теперь имеют представление о том, как поклоняться своему богу. Равно как знаем об этом мы.

Культ Гузгроха — а если быть верным шумерской традиции произношения, то *Кушкорум* — является объектом изучения всех моих последних лет жизни. А жить мне, как вы понимаете, осталось немного. Видите эту статуэтку на полке? Наверняка вы давно уже обратили на неё внимание, и, возможно, даже догадались, кто здесь изображён. Это миниатюрная статуэтка из слоновой кости, которую привёз мне с раскопок Вавилона мой друг, профессор Кольдовой, незадолго до смерти. Основываясь на том, что пишут мне мои знакомые, могу утверждать, что культ Гузгроха сформировался в Междуречье, во многом по инициативе царя Хаммурапи, хотя истоки этого течения куда древнее. Прежде всего, согласно тщательному и внимательному анализу этой кни-

ги — кстати, во всём мире осталось не больше восьми-десяти копий — Гузгрох по неким причинам незрим для человеческого глаза. Молитвы и взывания всегда сопровождаются словами о нём как о незримом боге под зелёным покрывалом. Кроме того, часто его называют «жнецом», однако причин этого я так и не нашёл. Разве что только это отголоски языческих времён, когда культ плодородия вполне мог слиться с образом этого бога. Согласно самому древнему тексту, в нём содержится код, позволяющий, находясь в нужное время и в нужном месте, призвать самого Гузгроха на землю, чтобы он, так сказать, начал жатву. Но более никаких прямых указаний на призвание незримого бога я не нашёл. Есть только время — девятнадцатое число тринадцатого месяца. Я полагаю, девятнадцатое января.

Есть также фраза, которая так и не была никем переведена, и смысл её остаётся непонятен до сих пор. Звучит примерно так — «Ръязклү мекхэн Иггхэврогүш» (когда профессор произнёс это, в комнате словно похолодало, а меня пробрала дрожь). Исходя из контекста, это странное заклинание несёт в себе то ли просьбу, то ли призыв Гузгроха. Я также считаю, и некоторые мои коллеги из Англии и Германии поддерживают мою гипотезу, что третье слово, «Иггхэврогүш», может быть вторым именем Гузгроха, либо означает некое понятие, тесно с ним связанное. Как утверждает сам Вильгельм Веррукт, фраза, как и имя, была услышана им в Тибете, произнесённой с небес. Непонятно вообще, является ли

она набором случайных слогов и звуков, либо же эта фраза на другом, доселе неведомом лингвистам языке — хотя последнее более вероятно.

Вы, возможно, не понимаете, с чего я вдруг завёл разговор об этой книге? Побудило меня к этому не что иное, как недавнее происшествие. Кто-то пытался пробраться в запретный отдел. Держу пари, что не только адепты Гузгроха, но к тому же из тех адептов, что отчаянно хотят призвать на свет своего бога. И не думайте, Колпи, что его желание абсолютно неисполнимо. Если бы вы видели то, что видел я, вы бы тут же восприняли мои слова серьёзно.

Очевидно, что мой интерес к культуре Гузгроха не мог остаться незамеченным. Адептов у него гораздо больше, чем можно сперва подумать. Я уже неоднократно замечал за собой слежку. Адепты давно знают обо мне и о том, что я пытаюсь найти способ остановить их. В отличие от них, я зрим. В последнее время я всё больше боюсь за себя и Марию. На что могут пойти эти безумцы ради своего бога? Вы знаете, что вот уже второй месяц я храню под подушкой заряженный пистолет? Я боюсь их, и страх усиливается по мере того, как приближается девятнадцатое января. В прошлые годы ничего так и не произошло, и слава богам, но у меня недоброе предчувствие, а оно меня никогда не подводит. В этот раз что-то действительно может случиться. Что-то непоправимое и мне пока непонятное. Страх помогает мне работать над переводом книги с утроенной силой, но до сих пор я не

нашёл ничего, что могло бы даже навести на мысли о том, в каких краях и каким образом должен быть проведён обряд. А это значит, я не могу воспрепятствовать адептам Гузгроха, если они и вправду затеяли свой гнусный ритуал.

— Но как же так, Колпи? — вдруг спохватился профессор. — Почему вы не остановили меня раньше? Вам стоило уйти тогда же, когда вы увидели эту книгу у меня в руках. Ведь теперь вы находитесь в такой же опасности, как и я. Мне не стоило впутывать вас в это тёмное дело...

Однако я заверил Уолтона, что он всё делает правильно, поскольку в борьбе со злым культом стоит приобретать так много союзников, как это только возможно. Стоит заметить, что я даже немного верил всему тому, что рассказал мне профессор. По крайней мере, не всякая выдумка может похвастаться такой чёткой структурой и твёрдой системой аргументации, какая была в теории Уолтона. Да, я не верил ему до конца, и вряд ли бы поверил, даже если бы он показал мне все места в книге Веррукта, что подтверждают его выводы. Меня совершенно не настораживала мысль, что слова Уолтона подозрительным образом рифмуются с тем сном, который я уже неоднократно видел по ночам. Однако кто стал бы на моём месте пытаться найти между этими событиями некую логическую связь?

Потом Уолтон спросил о Скоффмане. Бенджи целую неделю следил за его окном и сообщил мне, что тот часто ночью не спит и засиживается с зажжённым светом допозд-

на. Прошлой ночью, когда неизвестный попытался попасть в запретный отдел, Бенджи видел, что около двух ночи Джон покинул апартаменты и вернулся лишь через полтора часа, усталый и чем-то озлобленный. За это время он вполне мог успеть дойти пешком до университета и вернуться обратно. Кроме того, до этого Скоффман никогда не покидал свои комнаты посреди ночи. Судя по всему, именно он пытался пробраться в запретный отдел.

— Но ведь вы видели у него его собственный том *Guzgrochas Unsichtbar*, не так ли? — озадаченно возразил Уолтон. — Зачем ему ещё один? Наверняка это потому, что он не знает немецкого, и ему нужен перевод. Либо наши рукописи отличаются, и он обладает лишь сокращённым текстом, которого ему не хватает. В любом случае, библиотечной книге пока ничто не угрожает. Продолжайте следить за ним, Колпи.

В тот вечер я покинул дом Уолтона, а на следующей неделе началась подготовка к полугодовым экзаменам, и я не то чтобы совсем забыл о всех тех словах, которые наговорил профессор — я просто решил обмануться, заверив себя в том, что вся его речь является бредом пожилого человека и не стоит того, чтобы переживать из-за неё. Уж больно невероятно она звучала. Напомнив себе, что я в первую очередь студент и должен учиться, а не тратить время попусту, я с головой окунулся в экзамены. Впоследствии я провёл немало времени в размышлениях о том, мог ли я хоть что-то сде-

лать для спасения профессора, но со временем всё больше совесть взывала ко мне, и теперь я почти уверен в том, что именно на моей совести лежит его смерть.

IV

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.